

На следующий день после того, как он снова очнулся в Нирне, Алдуин лихорадочно пытался понять, что с ним стало. Проснулся он все в том же теле человеческого детеныша, в котором впервые за неизвестно сколько лет осознал себя в Нирне. Недалеко от него в каких-то клетках лежали человеческие личинки, которые мирно спали, несмотря на то, что находятся в темнице. Осмотревшись, он понял, что и сам лежит в точно такой же клетке. Взбешенный Алдуин попытался привычным движением крыла проломить стену, но отростки человеческой личинки были слишком маленькими и непослушными для выполнения подобной задачи.

Повертевшись с час, он умерил свой пыл и решил действовать любимым методом Магнуса - магией. Однако и тут его ждало разочарование. Попытки вырваться из пут той силы, что вытащила его из Этериуса, стоили ему четырех пятых его силы. И скорость ее восстановления оставляла желать лучшего, особенно с учетом того, что в ближайшее время в Совнгарде душами не закусишь. И ладно бы внутренний резерв, тело, в котором очутилась душа первого дракона мира, было совершенно не приспособлено к манипуляции энергиями Этериуса.

Обобщив свои выводы, Алдуин понял, что так его даже Партурнакс не подставлял, хотя этот уникум был виноват практически во всех бедах Дова. Начиная от восстания смертных и заканчивая головной болью. Последняя, к слову, появлялась после любого разговора с Партурнаксом.

"Надо было отцу назвать его не Партурнакс, что значит "Амбициозный Жестокий Владыка", а Кловфазкелнат ("klov faaz kelnat" в переводе "голова боль приносить"). Это более точно описывало бы характер этого предателя", - подумал Алдуин, вспомнив свое славное прошлое.

Вернувшись к планам на будущее, он сделал один единственно правильный в данной ситуации вывод - ему нужно было затаиться и не отсвечивать. Иначе если папа не простил, то он мог и окончательно развоплотить его, а это было нежелательно. Да и даже если отец его простил, разговаривать с ним у Алдуина не было никакого желания.

Что происходило следующие три года, он постарался забыть, как страшный сон, целиком положившись на инстинкты своей смертной оболочки. Перед ним стояли проблемы куда важнее, чем кормление смертной самкой своей личинки и восторженные улюлюкания ее партнера по грядущим неприятностям. Пусть даже с оставшимися силами он смог бы справиться с Принцем Даэдра вроде Малаката, но вот что произойдет с его материальным вместилищем, он даже думать не хотел. Не очень то приятно, когда каждая частичка твоего материального тела превращается в ничто, а ты все это время находишься в сознании. Да и человеческая личинка, угрожавшая Принцу Даэдра, выглядела бы со стороны крайне нелепо.

Пусть его материальная оболочка была ничем иным, как телом смертного человека, Алдуин прекрасно понимал, что это лишь на время. Однако, в подобном положении вскоре обнаружились свои неожиданные плюсы. Например, можно было относительно безнаказанно издеваться над другими смертными, в частности, над его братом и отцом. Его появление повергло некогда величайшего из Дова в шок. У его тела был СТАРШИЙ брат, который считал, что ОН должен защищать ЕГО. И пусть от Хёдо Иссея, своего старшего брата, он ощущал что-то родное, что-то похожее на дракона, но и не похожее одновременно, его гордость подобного долго терпеть не позволяла. И было вдвойне интересно безнаказанно кидаться в него той мазней, которой его пытались кормить. Впрочем, отцу тоже перепало с завидной

регулярностью. И пусть про Алдуина говорили, что он обладал очень скверным и вспыльчивым характером и совершал якобы необдуманные поступки, он умел думать и ждать. Ведь со вспыльчивым характером не удастся вести за собой стаю сильнейших существ Нирна, обладавших к тому же заоблачной гордыней, со времени их сотворения, и не покоришь смертных, и тем более, не удержишь долгое время над ними власть. И со вспыльчивым характером не получится срабатывать Принцев Даэдра между собой, что тоже иногда приходилось делать ради выживания Стаи.

Еще одной проблемой стали родители материального тела. С одной стороны, ему было приятно, что к нему относятся с заботой, а не быстро обучают всему необходимому и потом выкидывают воспитывать несколько тысяч сородичей, в результате чего все знания своей расы вынужден создавать ты сам, одновременно воспитывая свою стаю. Но с другой, закостеневшая нелюбовь к смертным в острой стадии становилась причиной многих конфликтов. Но со временем, он, пусть и для себя, признавал, что Шихо и Синзи Хёдо были более ответственными родителями, чем Акатош... и Акатош. Сказывалось, наверное, участие обоих родителей в воспитании потомства, а не отца-одиночки.

Пока тело Алдуина взрослело, он успел убедиться в ущербности смертных, по сравнению с которыми смертные времен его второго возвышения были просто богами. Магии не было, люди стали более хрупкими, остроухие идиоты вообще куда-то испарились. Нордская личинка вполне смогла бы свернуть голову волку, а современная личинка человека со слезами будет искать защиты у ближайшего взрослого даже от небольшой псины. Но, глядя на то, как смертные научились использовать свои мозги, чтобы компенсировать свои слабости, он искренне радовался, что в его время смертные были недалекими варварами, пусть и с магией. Люди, которых раньше Алдуин презирал сильнее всех, смогли вырасти из второсортных существ в доминирующий вид на планете, и за это он не считал зазорным начать их уважать. Но это уважение распространялось только на род людской, как общее понятие, на единичных его представителей оно распространялось крайне редко, практически никогда. Пусть он и стал более спокойным, чем раньше, но он принципиально отказывался признавать чей-либо авторитет, кроме авторитета матери, справедливо полагая, что для первенца сильнейшего аэдра этого достаточно. Но если мать он уважал и условно ставил ее на одну ступень с Акатошем, пусть она и была простой смертной, то своего брата и отца он считал членами своей стаи, за которых он несет ответственность. Даже при том, что они были обычными людьми. И эти простые смертные ценили его гораздо больше, чем его настоящая родня когда-то, за что он отвечал им взаимностью на уровне инстинктов, о существовании которых не догадывался до момента своего недавнего возрождения.

Новое материальное тело Алдуина, словно пытаясь нагнать в развитии тело духовное, развивалось несколько быстрее, чем тело его смертного брата, но не в том направлении, в котором он бы хотел. Его тело не становилось более похожим на драконье, что с одной стороны было несомненным плюсом. Он рос немного быстрее своего брата, и, будучи физически младше его на год, он был выше и несколько сильнее Иссея. Но эти внешние различия были лишь незначительными изменениями, заметными глазу. Внутри же... Алдуин чувствовал, что тело пыталось приспособиться к возможностям его души. Но естественный процесс не радовал его своей скоростью, и это заставило его начать заниматься тем, о чем бы он никогда бы в прошлом не подумал, и за что высмеивал Партурнакса. Алдуину пришлось тренироваться и начинать изучать все свои умения практически с нуля, чтобы вновь не лишиться своей материальной оболочки, которая могла не выдержать даже незначительное использование способностей, считавшихся для него обыденностью. В частности, от использования Туума, и в

особенности его самых разрушительных Слов, его материальное тело просто разорвало бы. Несколько раз во время занятий дыхательной гимнастикой он ловил себя на мысли, что он чем-то похож на Довакина, и это его порядком бесило. Довакин, смертный с частичкой души Дова, не способный полноценно использовать Туум и ничего о нем не знавший, добивался куда более впечатляющих результатов, чем Алдуин в теле одиннадцатилетнего подростка, обладающий знаниями самых сакральных тайн искусства Крика. И этот факт заставлял его заниматься тренировками с еще большим упорством.

И если с Туумом проблемы были только в неподготовленности голосовых связок, то при повторном осваивании Искусства Магии возникли проблемы несколько другого рода. Почти все Дова умели использовать энергии Этериуса, но предпочитали использовать Туум, полагаясь на его силу и простоту. Дова имели колоссальные магические резервы, а скорость их восполнения заставляла любого архимага эльфов давиться слюной от зависти, но сейчас Алдуину это только мешало. У его материального тела еще с рождения был неплохой, по меркам смертных, резерв маны, а когда тело начало подстраиваться под душу, то его резерв вообще стал неиссякаемым, но вот достучаться до этого резерва, и контролировать поток силы, было тяжело. Причина была отчасти в том, что Акатош обучил новорожденного Алдуина творить магию ртом, так как крыльями во время полета не поколдуешь. Тот похожим образом обучил других младших Дова. Теперь же ему приходилось переучиваться колдовать руками, как его прошлые противники. Но, через несколько лет упорных тренировок с самыми слабыми заклинаниями, Старший Дова признавал, что колдовать руками гораздо удобнее, чем выплевывать заклинания из пасти. Можно было выпустить больше заклинаний сразу, или ударить заклинанием в упор, что ртом было раньше сделать трудновато. Ведь мало кто захочет залезть в зубастую пасть даже обычного Дова, чтобы получить в лицо огненным шаром или сосулькой.

Но пока Алдуин рос, он стал замечать детали, которые не вписывались в его привычную картину мира. Во-первых, с неба исчез Массер. Исчез бесследно, и ни в одном из доступных Алдуину источников он не нашел ни одного упоминания о самой большой луне плана смертных. В небе одиноко сияла Секунда, называемая смертными просто Луной. Увидев впервые после своего возрождения ночное небо, он сперва было решил, что оказался в каком-то из планов Обливиона. Но, взглядевшись в ночное небо и сопоставив современное положение звезд с тем, которое он видел незадолго до своего падения, он убедился, что он все еще находится в плане смертных. Во-вторых, магический фон современного мира просто вонял разложением, слабостью и упадком. Если во время его первого возвышения магический фон мира больше напоминал бурную полноводную реку, то теперь он был похож на озеро, которое медленно, но верно, зарастало тиной, превращаясь в болото. И в-третьих, ни одно из известных Алдуину заклинаний колдовства ни разу не сработало, хоть несколько раз он и вливал в заклинание больше энергии, чем следовало. А в силу своего происхождения знал он их немало. Но итог оставался одинаковым: ни одна из сущностей с планов даэдра не откликнулась на его зов. Создавалось впечатление, что его призыв уходил в пустоту, словно не было более сущности, которая должна была быть призвана.

Как боги смогли допустить подобные перемены в Мундусе, Алдуину было непонятно. А начать активный поиск ответов на подобные вопросы он не мог, ограничиваясь изобретением смертных, под названием "интернет", и школьной библиотекой. Помня слова Хермеуса Моры, которыми можно было передать смысл всей болтовни этого клубка щупалец и слизи, что знание это ключ к власти, Старший Дова кропотливо изучал все, что преподавалось в школе, и что он мог найти в других местах. Пусть при этом и приходилось тщательно фильтровать

информацию и производить сверку множества источников, он считал это лишь тренировкой для своего разума, ведь у него теперь не было Партурнакса, с которым можно было пофилософствовать о проблемах бытия, а после предательства которого, стало не до философских размышлений.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/48168/1181306>